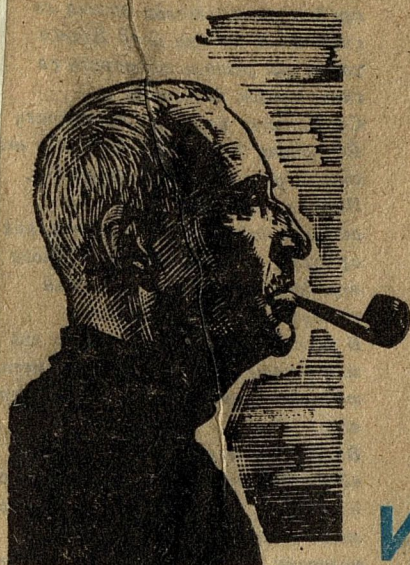

Лит. Россия
2 ЯНВАРЯ 1987 г. № 1 (1249)

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

располагая некоторым количеством свободного времени, вспомнил всю эту историю и написал стихотворение «Открытое письмо» женщине из города Вичуги.

Я употребил в этом стихотворении некоторые врезавшиеся в память слова из письма этой женщины.

Я помнил тогда, в то время, и ее имя, и фамилию, и город, из которого она

«Я ВАС ОБЯЗАН ИЗВЕСТИТЬ...»

Л ЕТОМ 1971 года в наш город как-то приехали два литератора, фамилий их сейчас, к сожалению, не помню. Они выступали перед учащимися, в рабочих общежитиях. В одной из аудиторий им был задан вопрос: кому конкретно адресовано известное стихотворение Константина Симонова «Открытое письмо»?

Оно было опубликовано в разгар войны и начиналось строками:

*Я вас обязан известить,
Что не дошло до адресата
Письмо, что в лицик опустить
Не постыдились вы когда-то...*

Резкое, по-солдатски прямое, местами даже жестокое, это стихотворение получило мгновенный и широчайший отклик, ибо очень точно выражало в те годы мысли и чувства многих людей...

В нем, как известно, после заголовка стоят слова «Женщине из г. Вичуги».

Приезжие гости не могли ответить на вопрос слушателей и обратились за помощью ко мне как к коренному вичуганину. Но и я, конечно, тоже не мог дать ответа...

Разговор тот, однако, запал в душу. И я решился: была не была, напишу Константину Михайловичу. Написал.

Довольно быстро, недели через две, я получил обстоятельный ответ. Письмо поэта сохранилось у меня. Оно небезынтересно и очень поучительно — столько в нем такта, мудрого, бережного отношения к человеку, пусть даже совершившему когда-то тяжелую ошибку, недостойный поступок. Письмо характерное и самого автора как человека и как военного корреспондента...

Вот это письмо Константина Симонова с незначительными сокращениями:

«...Ваше письмо действительно затрагивает щекотливый вопрос.

Дело обстоит так. Я был или в конце августа, или в начале сентября 1943 года в Третьей армии генерала Горбачева, по-моему, входившей тогда в состав Брянского фронта и стоявшей в это время во втором эшелоне где-то между Карачевом и Брянском, в одной из стрелковых дивизий этой армии...

В одном из полков этой дивизии примерно в это время или немножко раньше погиб командир батальона, по званию, как мне помнится, — старший лейтенант. Фамилии его уже не помню сейчас.

Сразу же после его гибели или через несколько дней, через некоторое время или за какое-то время перед ней — ему пришло письмо от жены, видимо, так же, как и он, тогда — молодой женщины.

Содержание этого письма, которое довольно точно изложено мной в стихотворении «Открытое письмо», задело товарищей погибшего, и они, поскольку я в то время находился у них в полку, попросили составить текст ответного письма этой женщине, которое они собирались послать за своими подписями.

Я обещал им это сделать, но почти сразу же был отозван на другой участок фронта и не успел написать текст этого письма, которое они собирались послать.

Примерно два месяца спустя, находясь в Харькове во время процесса над немецкими военными преступниками, я,

послала свое письмо, — это был город Вичуга, — но не стал в стихотворении указывать имя, отчество и фамилию адресата. Не стал по двум причинам.

Во-первых, потому что ответ на письмо этой женщины в виде стихотворения имел более широкий адрес, чем ее личный адрес: я хотел в этом стихотворении призвать других не поступать так, как поступила она. Таким образом, адрес стал шире, чем одно конкретное лицо.

И вторая причина. Одно дело — отправленное почтой коллективное письмо офицеров полка с выражением их презрения к этой женщине — это наказание было бы наказанием справедливое. Другое дело — публикация в печати ее имени, отчества и фамилии, что могло бы бросить тень на всю ее дальнейшую жизнь. А ведь дальнейшая жизнь могла быть и недостойной, могла стать и достойной. Об этом тоже пришлось думать.

Однако я все-таки указал в стихотворении, что письмо женщины из города Вичуги, потому что хотел, чтобы она когда-нибудь — сразу или позже — прочла его и знала сама, какую оценку дали ее письму товарищи покойного мужа. Я не хотел называть ее имя, отчество и фамилию, чтобы в нее не тыкали пальцами другие люди, но я хотел, чтобы она сама прочла и, может быть, устыдилась бы своего письма погибшему человеку.

Так я смотрел и так продолжаю смотреть на этот вопрос.

Если в вашем городе и сейчас действительно живет та женщина, которой было адресовано мое «Открытое письмо», то, разумеется, она читала его и знает, что конкретно оно было адресовано в свое время, двадцать восемь лет назад, именно ей, а не кому-то другому.

Но думаю, что любой человек, который бы стал сейчас, двадцать восемь лет спустя, выяснять у пожилой женщины, о которой кто-то подумал, что именно о ней идет речь в моем стихотворении, — стал бы выяснять у нее, так это или не так, и что-то проверять в связи с этим, — убежден, что такой человек совершил бы поступок не только бестактный, но и безнравственный...

У меня действительно не сохранилось ни в памяти, ни в моих фронтовых блокнотах ни имени, отчества и фамилии того командира батальона, ни имени, отчества и фамилии той женщины. Но если бы даже они сохранились — в данном конкретном случае я считал бы неправильным сообщать их кому-бы то ни было. Потому что где бы ни жила сейчас эта женщина, в Вичуге или в другом каком-либо месте, — публикация ее подлинного имени, отчества и фамилии сейчас, через двадцать восемь лет, была бы никому не нужной и ничем не оправданной жестокостью...

Я был рад, получив Ваше письмо, потому что почувствовал: за этим письмом стоит не праздное любопытство, а забота о человеке. Поэтому, откликаясь на эту Вашу заботу, пишу так подробно, чтобы Вы меня правильно и до конца поняли.

С товарищеским приветом
Константин Симонов».

С. ГОРБУНОВ

г. ВИЧУГА,
Ивановская обл.

Константин СИМОНОВ.
Гравюра на дереве Н. КАЛИТЫ